
ОСОБОЕ
МНЕНИЕ

От автора

Мои корни московские, насколько я знаю. Отец, офицер военно-морского флота, погиб за десять дней до моего рождения во время учений на подводной лодке в Тихом океане. Моя мама, врач-рентгенолог, не знала об этом очень долго, месяца два. Ее обманывали — говорили, что лодка в походе, поэтому от отца и нет почты. Чтобы у роженицы молоко не пропало или еще чего не случилось. Так что отца я не знал. Он сохранился только в виде фотографий и легенд. Отец был похоронен на военном кладбище на Дальнем Востоке, уже в несоветское время я ездил туда, но его могилу найти не смог — всё заросло. Скажу страшную вещь, но в этой безотцовщине был, наверное, и плюс, потому что я жил в легенде. У меня память об отце абсолютно чистая. И у моего сына, Алешки, в комнате висит его фотография, на которой отец еще нахимовец.

Рядом с нами жила моя бабушка, Нина Абрамовна Дыховичная, она была известным инженером-конструктором, разработала инженерную конструкцию гостиницы «Украина». Я часто уходил к ней, но практически был беспризорником.

Мама снова вышла замуж, и у меня появился отчим, когда мне было семь лет. Мы жили с сестрой и другой моей бабушкой. Коммуналка на четыре семьи — у нас две комнаты. И я уходил на целый день, гулял, иногда заходил к бабе Нине, как у нас было принято говорить, столоваться. А так жил на улице. Вот Путин у нас питерский двор, а я московский двор.

Я мальчик с Покровских Ворот, смотрите фильм «Покровские Ворота» (это реклама), провел там практически все детство, почти до пятнадцати лет. Потом мы переехали на окраину Москвы, и вот сейчас я вернулся в ту же квартиру в том же месте, и мой сын ходит в школу на Покровских Воротах, как и положено мальчику с Покровских Ворот и сыну мальчика с Покровских Ворот. Так что мы — покровские, мы чистопрудные, «центровые».

Район Чистых прудов — мой родной и самый любимый. Все мои первые детские и юношеские приключения происходили здесь. Чистые пруды поменялись, но не очень сильно. В отличие от Патриарших прудов, ставших совсем не московскими. Москвичи никогда не называли их Патриками. Сейчас там богатые квартиры, приезжие люди. А Чистые остались почти нетронутыми. Изменения, конечно, тоже есть. Стало побогаче. Раньше были пельменные и «стекляшки», теперь везде рестораны. Но главное осталось — это люди. Местные узнают друг друга, здороваются на улице. Чистые — как огромная коммунальная квартира. Я живу в доме, где живут актеры театра «Современник». Он когда-то был специально построен для «Современника». Когда сын был маленький, мы несколько раз заливали квартиру Марины Нееловой. Потом

ребенок вырос. Он видит список жильцов и говорит: «А что это за фамилия: Миллиоти?» Я говорю: «Как, ты не знаешь? Это великая Миллиоти!» Для него это просто набор букв, звуков.

В старину Чистые пруды назывались Погаными. Неподалеку ведь проходит улица Мясницкая, которая получила свое название от находившихся там мясных лавок. Все отходы, конечно, сбрасывались в пруды. Пахло тут, наверное, еще как. Но однажды Петр I подарил светлейшему князю Меншикову дом неподалеку от прудов. Князь пожаловался, что жить в таком «амбре» невозможно, велел очистить пруды — и они стали Чистыми.

Я очень люблю Москву. Это город, где мне комфортно. Мне нравятся города, где все немного сумасшедшие, где люди куда-то бегут, наступают друг другу на ноги. Такие города — это Москва, Нью-Йорк, Париж. А Вашингтон или Петербург — чопорные города. Люди там ходят, стараясь не касаться друг друга. Даже когда они бегут, то делают это бочком. Мне привычнее жить в толпе. В городе, где люди одеты разномастно, по-разному говорят.

Из зарубежных городов я больше всего люблю Париж. Там я чувствую себя совершенно как дома, могу жить в любом квартале, в любой гостинице. Я готов поговорить со всеми: от местных наркоманов до президента Французской Республики. Парижане — это люди с совершенно особым поведением. Они чисто городские. Как и я — не люблю дачу и деревенскую жизнь. Мне нравится город, камни. Я — цветок асфальта. Любимый район Парижа — это угол между бульварами Сен-Жермен и Сен-Мишель, Латинский квартал, Сорbonна. Там много книжных, там самые большие магазины

комиксов. В России есть два крупных собирателя комиксов на французском языке — Константин Эрнст и я. Мы часто друг перед другом хвалимся. Бывает, я звоню ему с набережной Сены и говорю: «Знаешь, что вышел такой-то комикс? Я прямо сейчас его покупаю. Пока до тебя дойдет по почте, я уже все прочитаю».

Изменения в Москве в основном меня радуют. Я как человек старомодный должен бы брюзжать. Но брюзжать не хочется. Самое главное — это возросшее количество пешеходных улиц. Хотя я сам гуляю мало, я понимаю, что город — это пространство для прогулок, а не для езды. Ездят по делу, а ходят для удовольствия. Второе приятное изменение — это преобразование парков. Стало безопаснее, удобнее, развили инфраструктуру. Хочешь — иди пешком, хочешь — поезжай на роликах или на скейтборде. Это здорово.

Плохо, что исторический центр в нашей столице не уважается. Я не считаю, что нужно сохранять развалины, но тяжело переживаю, когда моя старая Москва сдается под натиском стекла и металла. Тем не менее я не считаю, что стоит убиваться по снесенным домам. Москва — перемешанная, она не может быть одностилевой, как Петербург. Я даже не против архитектурной симуляции. Вот построили храм Христа Спасителя — и хорошо. Это копия, но для моего сына, который родился в 2000 году, он всегда там стоял, никакого бассейна на этом месте и не было. Поставят, предположим, в Кремле Чудов монастырь — для наших внуков это будет частью их настоящего. Город хороший в динамике и разнообразии. Питер красив, но для меня он — туристический.

Там хорошо пройтись, полюбоваться, но не жить. Жить надо в кривых переулках с разномастными домами.

Сейчас я гуляю мало. К сожалению, я человек узнаваемый и охраняемый. Стоит выйти, к тебе сразу подойдут с вопросами о политике. Я даже с сыном практически не гуляю. В основном вижу город из окна автомобиля. В кофейни я иногда хожу, встречаюсь с людьми, но часто нам мешают разговаривать, прерывают. У меня есть несколько ресторанов, где такое поведение не принято. Там сидят известные люди и делают вид, что не знают, не замечают друг друга.

Раньше Чистопрудный был единственным открытым бульваром. Здесь встречались, катались на коньках, дрались школа на школу. Я тоже участвовал. Как-то раз экс-глава администрации президента Ельцина Александр Волошин рассказал мне, что тоже учился в школе на Чистых. Может быть, когда-то маленький Венедиктов бил морду маленькому Волошину. Или наоборот.

В основном мы проводили время на улице. Зимой играли в снежки, летом — в «казаки-разбойники». Конечно, мы часто катались на коньках по замерзшим прудам. В один прекрасный то ли февральский, то ли мартовский день я провалился под лед. С коньками, в шубе. Незнакомая добрая душа вытащила меня из воды. Я даже не успел испугаться. Пришлось в дикий холод идти в мокрой шубе домой.

В марте месяце мы пробивали лед, получались ручьи. По ним мы пускали кораблики на время, придумывали для них специальные флаги. У меня был флаг со слоном, по мотивам камбоджийского.

Наверное, поэтому сейчас я адепт Республиканской партии США.

Я учился во французской спецшколе в Ля-лином переулке, между Покровскими Воротами и Курским вокзалом. В классе я не был лидером (за исключением того, что касалось всяких КВНов и спектаклей) — был ботаником. Учился хорошо, был книжным мальчиком, но не прочь был и подраться, конечно — желательно по делу. Ложка дегтя в хорошем аттестате — лишь тройка по черчению в восьмом классе. Я до сих пор не могу провести от руки прямую линию. Уже на последнем уроке мой учитель по черчению сам за меня нарисовал какую-то фигуру и сам поставил «три» своему же рисунку, и сказал: «Уйди! Чтобы я тебя больше не видел!» И с тех пор я его и не видел, уже лет сорок, наверное.

Хотя школа была с изучением французского языка, я был не лучшим его знатоком. Больше, чем язык, меня интересовала история. Но при этом у меня хорошо шли математика, физика и химия. Я хорошо считал в уме. У меня был лучший устный счет, я был все рекорды. Долгое время не мог выбрать между химией и историей. Но когда мы перешли на органическую химию, я понял, что мне это скучно. Вот неорганическая и тогда, и сейчас мне безумно интересна. Опыты, набор «Юный химик», два раза взрывал унитаз в коммунальной квартире. Я закрывался в ванной или в туалете, проводил опыты.

Самое яркое воспоминание за школьные годы — редкий в те годы приезд французских учеников по обмену в Москву. Нам было по 13–14 лет — соответственно любовь-морковь к французским

лицеисткам! Что меня лично поразило в первой же поездке с ними по Москве — они не давали платить за себя в троллейбусе! Для нас это была чума, а у них так принято — каждый платит за себя. На этом вся любовь и закончилась.

После школы я поступил в педагогический институт на исторический факультет на вечернее отделение — для дневного не хватило полбалла, получил тройку по русскому языку на сочинении. Знаки препинания! По истории получил пять с тремя крестами, что называется. С пятого класса я хотел стать учителем истории. Не историком, а именно учителем истории. Хотел рассказывать то, что другие не знают, а я знаю. Первой книгой, которую я прочитал самостоятельно в пять лет, была «Три мушкетера» Дюма, а никакой не «Колобок». И когда я пошел в школу, мне стало страшно интересно выяснить: как все было на самом деле? Каким был реальный Ришелье и был ли д'Артаньян? И когда я все это уже в двенадцать лет начал узнавать из книг и энциклопедий, я понял, что об этом тоже должен рассказывать своим друзьям, а потом и своим ученикам. Вот такой ход мыслей мне задали «Три мушкетера». Спасибо папе Дюма!

С 1973 по 1978 год я учился в МГПИ им. Ленина. Это были времена брежневского застоя. Однако наш институт считался своеобразным местом ссылки для тех незаурядных преподавателей, чье видение истории не вписывалось в установленные идеологией рамки. Поэтому на факультете сложилась довольно неформальная обстановка. Скажем, семинар у меня вел замечательный специалист по русскому Средневековью, Ивану Грозному, Владимир Борисович Кобрин. Помню, я испытал конфуз

на первом же семинаре. Мы проходили древних славян. Я подготовился по учебнику 55-го года издания и стал отвечать, что были такие-то племена... Кобрин перебил: «Откуда данные?! Выкинь эту книгу немедленно! Историк должен ссылаться на источник, а не на учебник постсталинской эпохи». С тех пор я потерял всякую охоту что-либо списывать из сомнительных книг.

Уже на втором или третьем курсе мы рассуждали о вопросах, обсуждения которых даже сегодня принято избегать или запрещать вовсе. Например, цена победы в Великой Отечественной войне. Не обсуждалось, стоило ли платить эту цену. Конечно, стоило! Но важно знать, какую тяжелую цену пришлось заплатить. Так что мои преподаватели даже в глухие советские времена научили меня правильно задавать вопросы, чему я сейчас учу своих корреспондентов: не ищите ответы, учитесь задавать вопросы. О генерале Власове я узнал в институте. О французском движении Сопротивления я узнал в институте. И все это было настолько неоднозначно, что мне хотелось анализировать исторический материал все глубже и глубже. Это, естественно, рождало критический взгляд на действительность.

Мы сбегались в институт к 18 часам, все после работы. Были и приключения... К примеру, одна из наших замечательных преподавательниц по истории Древнего мира задала вопрос по популярному тогда фильму «300 спартанцев»: кто найдет 15 исторических ошибок в этом фильме, получит зачет. А всем было известно, что у нее получить зачет с первого раза невозможно. Поэтому в субботу в 10 утра мы выкупили для всего курса зал кинотеатра «Горизонт» (по 10 копеек, как сейчас

помню, билет, всего собрали 38 рублей 30 копеек), попросили киномеханика зажечь свет, и пока шел фильм, всем курсом искали неточности. В итоге на зачет весь курс пришел, имея по 20–25 абсолютно одинаковых ошибок. Преподавательница про эту затею знала, но слово свое сдержала и всему курсу поставила зачет. Я был одним из организаторов этого мероприятия.

Большая любовь к прессе, кстати, зародилась именно в студенческие годы: учась на вечернем и не желая сидеть на шее у матери, днем я работал почтальоном. Почему именно почтальоном? Все просто: во-первых, рядом с домом; во-вторых, встаешь рано и рано же освобождаешься — где-то в 14 часов уже свободен, до начала лекций есть время подготовится и пожить веселой жизнью; в-третьих, разнося газеты в дом, где жили иностранцы, я имел возможность изучать зарубежную прессу и сравнивать ее информацию с версией официальных советских СМИ. В 1974 году из СССР выслали Александра Солженицына, в самом разгаре была идеологическая борьба с Западом. Иностранные газеты и журналы я задерживал ровно на один день — французские читал сам, а английскими делился с товарищами. Потом мне все возвращали, и я кидал их в почтовые ящики адресатам — начиная от Playboy и кончая Paris Match. В одном из домов (как сейчас помню, улица 26 Бакинских комиссаров, дом 7, корп. 4) жил Сергей Адамович Ковалев, диссидент, которого тогда сильно прессовали, а потом и вовсе посадили на семь лет. И пришла на его счет такая инструкция: все письма, которые поступают Ковалеву, изымать и сдавать начальнику почты. Никаким

диссидентом я не был, но меня как-то возмутило это изъятие почты, и я продолжал доставлять ее адресату. Причем опускал не в почтовый ящик, а поднимался на этаж и просовывал письмо прямо под дверь. Вот такой был протест. Я не выполнял инструкцию. Это было мое первое противостояние с режимом. Уже через много лет Ковалев скажет мне: «Я был удивлен, что письма приходили, думал: как это может быть?!»

Когда в гостиницах стали продавать «Фигаро» и «Монд», я их покупал, очень дорого — 60 копеек номер стоил, читал. Кстати, готовясь к диплому, я прочитал впервые полностью доклад Хрущева на XX съезде в газете «Монд» на французском языке. Совершенно случайно наткнулся.

Я не слушал ни одной радиостанции до «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Вот когда по «Свободе» стали читать «Архипелаг...», я включил радио и стал слушать. Слушал — и мурашки по телу! Отказывался верить. И не я один. Патриарх Алексий однажды рассказывал, как пытали и расстреливали священников на Бутовском полигоне, и некто из сильных мира сего спросил: «Как пытали?! Как в гестапо — иголки под ногти? Мы не можем в такое поверить!» Поэтому после развала Союза у многих, включая меня, был долгий период переосмысливания советского прошлого. У некоторых он продолжается до сих пор, и к самой личности Сталина у людей разное отношение. Наш президент, насколько я знаю, не сталинист. Например, он очень часто в закрытом, непубличном режиме говорил, что СССР много задолжал Русской православной церкви, подвергая ее гонениям. Он

осознает, что долги пора отдавать. И в этой части с ним можно согласиться.

Поскольку у меня все букинисты были знакомые, я скупил все стенографические отчеты партийных съездов сталинского периода, которые были запрещены к продаже, но из-под полы, естественно, продавали. У меня все это было. И я понимал, что не так все однозначно в нашей истории, как объясняли в школе. Кроме того, у меня был интерес, я не скажу к поэзии, но к литературе. Мне было это интересно читать. На Кузнецком Мосту и на Пушечной улице по выходным был черный рынок книг. Там продавали то, что нельзя было купить в магазинах. Я ходил туда и покупал там то, что тогда не печаталось — Мандельштама, Андрея Белого, футуристов. Причем меня не интересовали книги эмигрантского издательства «Посев». И первая книга, кроме «Архипелага...», которую я купил на этом черном рынке, это были «Гадкие лебеди» Стругацких. Я был большим фанатом братьев Стругацких. И я точно понимал, что это про Советский Союз. Она была в жутком машинописном сфотографированном виде, переплетенная. Как сейчас помню, купил ее за 40 рублей. Для того времени это безумные деньги — средняя зарплата тогда была 80 рублей.

Когда я пришел в школу, где проработал двадцать лет, мне дали под классное руководство четвертый класс. Заметьте, не 4-й «А»! Но мы все равно были во всем первые! Я взял за правило каждые выходные со своим классом выезжать на реставрационные работы памятников истории и культуры. Разгребали мусор, лазали по чердакам, чистили Данилов монастырь, Донской монастырь,